

Аборигены Кольского Севера

ПЕЧЕНГСКИЕ ЛОПАРИ

Иван УШАКОВ, краевед

Задолго до того, как русские люди появились на Мурмане, Кольский полуостров населяли лопари (саамы). Они жили разбросанно, отдельными становьями (погостами). Настоящий очерк посвящен лопарям, обитавшим на западном Мурмане, по реке Печенге и близлежащему морскому побережью.

I. ДРЕВНИЕ ЖИТЕЛИ

Долгое время Север Европы покрывал ледник. После исчезновения его, в VII тысячелетии до нашей эры, первобытные люди, двигаясь на север вдоль Атлантического побережья Скандинавии, достигли крайних пределов суши и расселились по лучшим местам западного Мурмана. Одна из групп пришельцев облюбовала окрестности Печенгского залива.

Несмотря на заполярное положение, эта местность выгодно отличалась от ряда других. Благотворное влияние на ее климат оказывало теплое течение Гольфстрим. Морские воды, омывавшие Мурманский берег, никогда не замерзали. Среднегодовая температура воздуха была около нуля градусов, тогда как на той же 69-й параллели у Норильска - минус десять градусов.

По реке Печенге рос лес, необходимый для постройки и обогрева жилищ. Само название реки - Печенга - по общему мнению, происходит от лопарского слова "педзь" (сосна). Прибрежные морские воды изобиловали треской; в реке Печенге ловилась семга; в лесах водились дикие олени, песцы и другие звери; на взморье обитало множество птиц - гусей, уток, гаг и прочих, временами подходили киты, тюлени. В тундре произрастали морошка, брусника, черника, вороника, различные грибы.

Археологи (сначала Б. Ф. Земляков, затем Н. Н. Гурина и другие) обстоятельно изучили стоянки первобытных людей на полуострове Рыбачий, по реке Печенге и близ города Никеля. Находки показали хозяйственную жизнь первопоселенцев Печенгского края. Они умели добывать огонь, пользовались преимущественно каменными орудиями труда, охотились с луками и дротиками, поражали морских зверей гарпунами. Наряду с ловом рыбы большое значение имело собирательство продуктов питания.

Н. Н. Гурина в итоге длительных исследований пришла к выводу, что, "начиная с эпохи... первичного заселения Кольского полуострова людьми, эта территория была непрерывно обитаема во все последующие времена". В IV и III тысячелетиях до нашей эры на Кольский полуостров пришли с юга, через Карелию, новые группы людей,

предки которых жили на Северном Урале. Постепенно они смешались с ранее осевшими здесь выходцами из Скандинавии. В результате во II тысячелетии до нашей эры сложились племена "протолопарей" - предшественников средневековых лопарей. По физическому облику и цвету кожи они близко стояли к жителям Западной Европы, но имели слабо выраженные монголоидные черты, а по языку принадлежали к угрофинской группе народов.

Во II тысячелетии до нашей эры климат на Кольском полуострове был сравнительно благоприятный для жизни человека, как считают, теплее современного градуса на четыре. В I тысячелетии нашей эры климат стал более суровым. Численность населения в крае сократилась. В IX веке, около 870 года, вдоль Мурманского побережья совершил плавание норвежец Отер (Оттар). По его рассказу, земля эта казалась безлюдной, лишь в некоторых местах встречались небольшие поселения "рыбаков, птицеловов и охотников, которые все были финны". "Финнами" норвежцы называли лопарей (отсюда Северная Скандинавия, населенная лопарями, носила название Финмаркен, то есть "область лопарей").

До прихода русского населения лопари Кольского полуострова находились на стадии родового строя, добывали средства к жизни примитивным, первобытным, способом, преобладали орудия труда из сланца, кости, дерева. Лишь изредка путем обмена на пушнину лопарям удавалось выменивать у южных племен кремь и бронзу.

На основе многовекового опыта лопари хорошо знали наиболее добычливые места лова рыбы и охоты на зверя, применяли различные приемы промысла, умело строили зимние жилища и легкие летние укрытия на сезонных поселениях.

Исторических сведений о жизни печенгских лопарей в первобытную эпоху почти не сохранилось. В лопарских преданиях рассказывается о набегах скандинавских грабителей, с которыми иногда лопари вступали в борьбу, а чаще спасались уходом в леса, не имея сил сражаться с вооруженным противником.

Лопари поклонялись своим языческим божествам - сейдам, приносили им жертвы, совершали ритуальные действия.

(Продолжение следует.)

Аборигены Кольского Севера

ПЕЧЕНГСКИЕ ЛОПАРИ

Иван УШАКОВ, краевед

(Продолжение. Начало в номере 114.)

2. В НОВГОРОДСКОМ ПОДДАНСТВЕ

В 1032 году новгородцы в своем движении на север достигли Белого моря. К концу XI века они дошли до Югры (Северного Зауралья). В XII веке, как показывают археологические раскопки, русские уже посещали Терский берег - юго-восточные окраины Кольского полуострова. Новгород обложил лопарей легкой данью и взял их под свое покровительство. Первое документальное свидетельство об этом содержится в Новгородской летописи под 1216 годом, когда в Липицкой битве под Суздалем погиб знатный новгородец Семьон Петрилович - "терский данник", то есть сборщик дани с терской земли.

Кольский полуостров в то время носил название Терский наволоок. Возможно, власть Новгорода простиралась вплоть до Печенги. На западном Мурмане начались столкновения русских с норвежцами, которые проникли в Финмаркен и пытались расширить свои владения.

В 1251 году по инициативе князя Александра Невского был заключен договор между Норвегией и Новгородом о сборе дани с лопарей: русские получили право взимать дань в Финмаркене вплоть до Лунгенфьорда, а норвежцы - с лопарей Кольского полуострова. Обе стороны обязались брать с каждого лопаря-охотника не более пяти беличьих шкурок в год. Государственной границы между странами в Заполярье не устанавливалось: вся территория, заселенная лопарями, считалась общим округом сбора дани.

Печенгские лопари, подобно прочим, стали двоеданными, то есть платящими дань сразу двум государствам.

С территории Норвегии на Кольский полуостров совершались грабительские нападения скандинавских авантюристов - искателей славы и добычи. В ответ новгородские власти поручали двинским воеводам и карельским "валитам" (наместникам) предпринимать морские походы против "мурман" (так тогда русские называли норвежцев и других жителей Северной Скандинавии). Военные действия между "мурма-

нами" и новгородскими силами происходили в 1271, 1279, 1302, 1303 годах.

Для закрепления своего господства над Финмаркеном и защиты окраинных владений норвежцы в 1307 году построили на небольшом островке близ восточной оконечности полуострова Варангер укрепление Вардехус ("Сторожевой дом"); русские называли его Варгав, ныне здесь город Варде.

В XIV веке Кольский полуостров фактически находился во владении Новгорода, а Финмаркен - Норвегии, но прежний порядок сбора дани сохранялся.

Согласно преданию, записанному в 1592 году, укрепил Мурман как русское владение карельский посадник Василий Валит, который разгромил норвежцев "на Варенге" и на морском острове близ устья реки Ворьемы соорудил небольшую крепостцу: "А меж Печенги и Паз-реки... есть остров камен высок... тут у него для крепости... место было". В "Книге Большому Чертежу" - описании карты всему Московскому государству, составленной в конце XVI века, - сказано: "... На море, на острове, близко к берегу Волиново городище... морским берегом до усть реки Печени 30 верст". Время действий Василия Валита на Мурмане не установлено, но в источнике говорится, что Василий был поставлен наместником в Карелии "от новгородских посадников... а послушна была Корела к Великому Новгороду с Двинской землею", то есть до 1478 года, когда новгородская земля со всеми ее владениями перешла под власть Москвы.

За два с половиной века пребывания в новгородском подданстве лопари сблизились с русскими людьми, приезжавшими к ним с товарами, и с теми, что поселились на Терском берегу, многое заимствовали из трудового опыта поморов. Новгородские власти почти не вмешивались во внутреннюю жизнь лопарей, не пытались менять их религиозные верования и обычаи. Русскому послу Григорию Истоме, ехавшему в Данию через северные воды в 1496 году, лопари на Мурмане говорили, что они, заплатив годовую дань мехами и рыбой, уже "никому ничего не должны и ни от кого более не зависят".

(Продолжение следует.)

Аборигены Кольского Севера

ПЕЧЕНГСКИЕ ЛОПАРИ

Иван УШАКОВ, краевед

(Начало в номерах 114, 116.)

3. Принятие христианства

Московские власти, подобно новгородским, терпимо относились к "поганским" верованиям лопарей. Положение изменилось после 1523 года, когда шведский король Густав Ваза начал проводить Реформацию - замену католичества лютеранством. Владения Швеции прилегли к юго-западной части Кольского полуострова. Лютеранской страной стала и Дания, в конце XVI века подчинившая себе Норвегию. В России рассматривали лютеранство как опасную ересь, которая может проникнуть в земли, населенные лопарями, поскольку король распорядился обратить в лютеранство и язычников-лопарей. При отсутствии международно признанных границ в Заполярье это могло обернуться потерей русских владений, прилегающих к Финмаркену и Швеции. Ни московское правительство, ни православное духовенство не хотели мириться с этим.

Проповедовать "русскую веру" на Кольский полуостров отправились соловецкий монах Феодорит и сын священника, служившего в городе Торжке, Трифон. Первый поселился среди лопарей на устье реки Колы, второй - на реке Печенге.

О миссионерской деятельности Трифона повествуют два источника: записки голландского купца Салингена, лично знавшего основателя Печенгского монастыря, и "Житие преподобного Трифона", составленное на основе воспоминаний его учеников.

Салинген передает рассказ самого Трифона. Он поселился в лапландской глуши ради искупления грехов, так как, будучи воином на границе, "много народу ограбил и много крови пролил". В лесу он построил себе небольшую келью и молился в ней перед иконами, которые принес с собой. Жил как отшельник, "не ел ничего, кроме рыбы, которую сам ловил, грибов и ягод". Промышлявшие на Мурмане рыбаки прослышали об уединенном богомольце, стали приходить к нему и просить о постройке церкви. Тогда Трифон выстроил небольшую часовню, куда пригласил черного (из монахов) попа, который служил ему обедню и прочее. Тогда же надел он на себя клобук (стал монахом). После построения часовни его стало посещать еще больше народу..."

"Житие" рисует Трифона как изначального праведника: "от юности своя изряден постник, милостив..." Возлюбив безмолвие, он удалился "на приморие великого моря-окияна... на реку Печеньгу, в народ лопарьский", который жил в идолопоклонстве. Трифон решил приобщить лопарей-язычников к христианству, рассказывал им "о истинном в Троице славимом Боже, и о потопе, и о разсеянии языков, и о Аврааме... про пришествие сына Божия, и о его воплощении, и о страстях (мучениях), и о воскресении..." Лопарские жрецы (кебуны) пытались изгнать христианского проповедника: "Трифона за власы торгаху (таскали), и о землю метяху, и бияху, и пхяху". Временами Трифон укрывался от преследований кебунов в небольшой пещере, но не прекращал своих проповедей, беседовал с лопарями

"о куплях" (видимо, стремился показать выгоды их от сближения с православным русским населением, товарообмена с ним). Интересная деталь: рассказывая о сыне Божьем, Трифон показывал лопарям "камень Иисуса Христа и его кровь". Согласно преданию, это были красные пятна на одной из скал близ лопарского погоста.

В конце концов Трифон добился согласия большинства местных лопарей креститься в "русскую веру". В Новгород (до 1682 года - центр епархии, в которую входил весь северо-запад России) отправилась делегация с выражением желания лопарей принять христианство. Об этом сообщается в нескольких летописях под 7041 (1532-33) годом. "Тоя же зимы, - говорится в Никоновской (или Патриаршей) летописи, - ... приехал в Великий Новгород лопляне Мурманского моря и били челом преосвященному Макарию и просили антиминов (священных покрывал в церковный алтарь) и священников церкви Божия свящати и самим просветится святым крещением. И боголюбивый архиепископ Макарий посла от соборныя церкви святей Софеи священника и диакона, и они, ехавше, церкви Божия свящали... и самих многих крестили... лоплян во имя Отца и Сына и Святого Духа в нашу православную и святую веру".

Новгородские плотники срубили на Печенге церковь во имя Троицы, а священник Илья освятил ее и совершил обряд крещения лопарей.

Трифон не считал свое дело оконченным. Он решил упрочить его созданием экономически прочной монастырской обители, чтобы оградить российскую Лапландию "от тамо близких стран - от люторския и калвинския ереси". В течение восьми лет он собирал "милостыню" - средства для устройства монастыря. Он побывал не только в Новгороде, но и в Москве. Сам царь Иван Грозный дал ему колокола и богатую церковную утварь, а царевич - свою одежду.

В середине XVI века на Мурманском море стали развиваться рыбные промыслы беломорских жителей и двинян. Кандалакшские крестьяне поселились при устье реки Колы, образовав первую на Мурмане русскую "волость". По словам Салингена, к обители Трифона "приезжали рыбаки и жертвовали рыбу... благодаря таким дарам построен был большой монастырь... В 1565 году монахов было около двадцати и приблизительно тридцать монастырских работников... В 1572 году было уже около пятидесяти монахов и двухсот бельцов, которые были заняты постройкой новой церкви". Печенгская обитель стала вторым (после Колы) русским поселением на Мурмане.

Принятие православной веры - важнейшее событие в жизни печенгских лопарей. Оно знаменовало существенный поворот в духовном и социальном развитии лопарской народности. Менялось мировоззрение лопарей, усваивались новые понятия о власти, собственности и смысле жизни. Между единоверным русским и лопарским населением края устанавливались более тесные и дружественные отношения. Принятие новой религии способствовало распространению среди лопарей русского языка и усвоению достижений русской культуры.

(Продолжение следует.)

Аборигены Кольского Севера

ПЕЧЕНГСКИЕ ЛОПАРИ

Иван УШАКОВ, краевед

(Начало в номерах 114, 116, 121.)

4. Закрепощение

Основанный в 1553 году Печенгский монастырь в последующие три десятилетия превратился в крупного землевладельца-феодала.

Лопари считались собственниками "истари" используемых ими угодий. Определенная хозяйственно освоенная территория, с которой платилась подать государству, называлась луком, а сама плата - "луковой данью". Каждый взрослый лопарь, плативший дань, владел своей долей в луках, закрепленных за погостом (селением). Он мог ее продавать, дарить, передавать по наследству и в приданое дочерям.

Новокрещеные лопари, сообщает "Житие" Трифона, "от усердия своего от имений своих приношаху сребро (деньги) и вещи... Иные же земли и езера и реки и морские угодие воды подаваху (монастырю) и письменными заветы утверждаху". Из того, что дарили лопари Трифону, он "ничего себе взимая, но вся отдаеше во церковь Святыя Троице, и повелеваше за то подавание живых о здравии, а о усопших о упокоении Бога молити и имена их в синодики писати".

В перечне угодий Печенгского монастыря сохранились имена дарителей: "новокрещеных лопарей старца (то есть постригшегося в монахи) Логина Морокова з детми, да Ефима Ногостева да Микулы Кононова в Соньеле 2 лука со всеми угоды и с половиной реки Печенги... Данья Кирилла Ермолина да Онтоня Спиридонова в Мотовской губе два лука... и с половиною реки Печенги".

Передача четырех луков монастырю была документально оформлена писцом Никитой Соропениным.

Много угодий печенгские монахи приобрели у лопарей покупкой. Кондрат Григорьев, Петр Данилов и другие продали монастырю реки Большую и Малую Уру (3 лука), Большую и Малую Лицу (3 лука), реку Китовку, часть Мотовской губы и становище Типуново (3 лука), рыбные ловли на реке Нявдеме (четверть лука).

Иван Грозный, покровительствуя Печенгскому монастырю, уже в 1556 году освободил его от уплаты луковой дани со всех приобретенных угодий. В писцовой книге 1574 года сказано: "Государь царь и великий князь начальника и строителя Трифана з братьею пожаловал: дани и оброку с тех луков имати на строителе Трифане не велел... и грамота у них о том... жалованная в монастыре есть".

Права феодала-вотчинника Печенгский монастырь получил в 1581 году. По челобитью (прошению) монашеской братии Иван Грозный пожаловал печенгских богомольцев "вместо руги, молебных и панихидных денег для их скудости на пропитание в вотчину морскими губами: Мотовскою, Лицкою, Урскою, Печенскою, Пазрецкою и Нявдемскою - всякими рыбными ловлями... и морским берегом, и его островами и реками... и горными местами и звериными ловлями и лопарями... в той Мотовской и Печенской губах... и нашими, царя и великого князя, денежными оброками и всеми доходами и волостными кормами, чтобы тем им питаться и монастырь строить, а... приказным и всяким людям никому... в ту вотчину... не вступаться".

Жалованная грамота 1581 года превра-

щала печенгских лопарей в крепостных людей Печенгского монастыря, обязанных платить дань (по 60 копеек в год с лука) и выполнять разные повинности в пользу своего нового владельца. В монастырском хозяйстве и на промыслах отныне работали не только монахи и наемные люди, но также "детеныши (сироты, выросшие на монастырском содержании, обычно лопари) и крестьяне крещеные лопари". В податном документе начала XVII века о печенгских и мотовских лопарях сказано: "отданы в Печенгский монастырь в крестьян место и с той поры дани государевой в Кольской острог не платят". Положение печенгских лопарей существенно не изменилось: раньше они платили подати и исполняли некоторые натуральные повинности в пользу государства, теперь - в пользу феодала-монастыря. Стало лишь иным юридическое состояние. Лопари утратили право распоряжаться угодами и считались не черносошными, а вотчинными крестьянами.

Четко определяет их статус писцовая книга 1608 года: "За монастырем же вверх по реке Печенге погостишко Печенское... 6 веж да бугра (землянка), а людей в них (взрослых мужчин) 21 человек. А угодей за ними никаких нет, промышляют в лете на море... в становище в Неметцком в монастырском, а в осень... по озерам по монастырской вотчине, ловят белую рыбу да на лесу зверь бьют и птицу ловят - тем ся и кормят". Насчет платежей сказано: "С тех печенских лопарей и веж и с угодей... дань и оброк емлют старцы Печенгского монастыря".

Лопари работали на монастырских промыслах как покрученники - из доли улова. Реку Печенгу они брали на оброк и ловили в ней семгу исполу. Сохранилась хозяйственная запись 1752 года: лопари выловили за сезон 791 семгу и половину улова отдали монастырю в виде оброка.

Крепостная зависимость лопарей от монастыря прекратилась в 1764 году, когда Печенгский монастырь как оскудевший при общегосударственной реформе секуляризации духовных вотчин окончил свое существование. Его владения перешли в ведомство Коллегии экономии. Печенгские лопари сначала числились "экономическими" и платили подушную подать в полutorном размере, а с 1783 года были переведены в разряд государственных крестьян и во всем уравнились с ними.

Положение лопарей в печенгской вотчине не было более тягостным по сравнению с жизнью государевых крестьян. Известный исследователь-этнограф Николай Харузин явно заблуждается, утверждая, будто "крепостная зависимость от монастыря... перевернула в корне прежний быт лопарей", что они "терпели много невзгод... от ига монастырского", что печенгские монахи эксплуатировали лопарей "в самых возмутительных формах" ("Русские лопари". М. 1890, стр. 46, 50, 53). В действительности монастырь, пользовавшийся поддержкой царской власти, в известной мере ограждал лопарей от произвола воевод и разного рода корыстных пройдох. Живя на монастырских землях, лопари безоборочно промышляли на озерах и в лесах, в голодное время получали ссуды у монастыря. Черносошные лопари подвергались большему угнетению, нежели их соседи вотчинные.

(Продолжение следует.)

Аборигены Кольского Севера

ПЕЧЕНГСКИЕ ЛОПАРИ

Иван УШАКОВ, краевед

(Начало в номерах 114, 116, 121, 123.)

5. Иноземные "приходы"

Обитая близ владений Швеции и Дании (точнее, Норвегии, которая с конца XIV века и до 1814 года находилась в составе Датского Королевства), печенгские лопари так или иначе контактировали с соседями: вели торговлю, платили им дань, отражали грабительские нападения.

В русских документах XVI - XVII веков набеги иноземцев обычно назывались "немецкими приходами".

"Немцами" на Руси в старину называли всех западных иноземцев-неславян ("немцы" - не знающие русской речи), при этом, когда требовалось указать национальную принадлежность иноземцев, уточняли: "свейские" или "свицкие немцы" - шведы, "датские немцы" - датчане (или их подданные - норвежцы), "каянские немцы" - финны северо-восточной Ботнии (до 1809 года - подданные Швеции).

Крещение лопарей и возникновение русских селений на Мурмане беспокоило северо-западных соседей России. Особенно враждебно действовала Швеция. Едва успел появиться Печенгский монастырь, как стали предприниматься попытки уничтожить его. 10 августа 1556 года Иван Грозный послал шведскому королю Густаву грамоту, в которой писал: "А мурманской наш даншик Васюлко Конин нам бил челом (жаловался), что твои люди Нарбатские земли (провинции Нордботнии) сына его до смерти убили и дань нашу взяли с 20 погостов... А игумен наш..., что на Печенге против Варгава, и тот нам бил челом, что твои подвластные люди на него ся хвалят убивством и хотят монастырь наш разорить".

В челобитной печенгских монахов, поданной царю в 1620 году, отмечалось: "Печенгский монастырь трижды свейские немцы разоряли", в результате были утрачены подлинные жалованные грамоты, выданные братии ("изгибли в немецкой приход").

Самый жестокий погром Печенги шведы учинили в 1589 году. Приходчики имели приказ короля Юхана III (1568-1592) поголовно уничтожить все русское население в крае, "истребить все, что можно".

Шведы предприняли широкое наступление на Кольский Север. В мае 1589 года они разгромили Кандалакшу - убили 450 человек, затем разграбили и выжгли Ковду, Умбу и ряд других поморских селений. Осенью отправились громить западный Мурман. Соловецкая летопись старца Петра Ловушки сообщает: "Грех ради наших, приходили немецкие люди в Печенской монастырь войною... Церкви и монастырь пожгли, и игумена Гурья, и братью и слуг побили, и казну монастырскую взяли, и стояли в Печенге 10 дней".

В донесении кольского подъячего Ивана Махонина приводятся более подробные и точные сведения: "Того же 7098 году (от так называемого "сотворения мира")... в ноябре в 30 числе, свейские же немцы воеводы Кавпеи приходили в **лопские** погосты и к монастырю Печенскому, да тот монастырь сожгли, а старцев слуг и трудников побили, и многую казну монастырскую поимали: церковного строенья и сосудов серебряных, и денег, и платья, и сукон, и соболей, и лисиц... и хлеба и соли на 45107 рублей. Дворы многие и суда морские и речные пожгли и пограбили, а в тех судах товаров всяких по смете Кольской волости на 33247 рублей". (О реальном значении указанных сумм можно судить по тому, что конь на Мурмане стоил тогда 3 рубля, пуд муки - 6 копеек, лодья с оснасткой - 17 рублей, двор в Коле - 15 рублей.)

Согласно преданию, захватчики Печенгского монастыря воспользовались тем, что монахи и слуги отмечали праздник - день памяти святого апостола Андрея Первозванного, все находилось на молитве и не оказали врагу никакого сопротивления. Сбылось предсказание Трифона, умершего 15 декабря 1583 года: "Будет на сию обитель тяжкое искушение, и многие примут мучение от острия меча, но Бог силен

и паки (опять) обновит свою обитель".

Предводительствовал отрядом, громившим Печенгу, известный в Швеции военачальник Везайнен, уроженец местности Ийо в Финляндии. Из-под Печенги с награбленной добычей он отправился в Нордботнию, а воевода Кавпи со своим отрядом - брать Кола. В пути один из русских пленных убил Везайнена. Под Колой шведы потерпели полное поражение. Коляне, пишет упомянутый Петр Ловушка, "немецких людей побили 60 человек, а живых в острог взяли 30 человек". Среди взятых в плен оказался и воевода Кавпи, которого вместе с донесением о победе колян отправили в Москву.

Летом 1590 года на Печенгу приехали из Варде датские чиновники. Они собрали подробные сведения о случившемся, составили список погибших и обо всем донесли своему правительству. "От монастыря, - сообщали варгавцы, - не осталось ни одного строения, кроме бани, стоявшей невдалеке, да двух землянок, находившихся на двух маленьких островках, куда шведы не могли проникнуть". Кроме монашеской братии (41 человека) захватчики убили 51 монастырского работника и 37 **лопарей**, в том числе женщин и детей.

В Сретенском ските, в 18 верстах от монастыря, где находилась могила Трифона, шведы убили его учеников Иону и Германа. Из всей братии уцелело 5 монахов из тех, что были в отъезде по хозяйственным и другим делам. Они похоронили после ухода шведов 116 человек на месте их мученической гибели, а Иону и Германа - рядом с Трифоном.

Новый игумен Печенгского монастыря Живоначальной Троицы Васьян в 1591 году получил царское повеление: из опасения "прихода немецких людей строить им монастырь в Кольском остроге (военном укреплении, сооруженном в 1583-1584 годах), у церкви Благовещения Пречистыя Богородицы, кельи поставити и ограду около монастыря...". Монастырь обосновался в Коле. На Печенге, возле лопарского погоста, монахи завели только хозяйственные службы и поставили часовенку. В описи 1608 года сказано: "На усть реки Печенги... 2 кельи, а в них живут старцы Печенского монастыря, переменяясь по годоу, приезжая из монастыря (в Коле), да 2 анбара, да поварня, да двор коровей, да хлев, да баня, да 15 мест келейных". Среди монастырских работников упоминаются и лопари.

Иной характер носили "приходы" датских людей. Они приезжали вооруженными отрядами собирать дань по исстари заведенному обычаю, чинили насилия и взымали "кормы" себе не по окладу. Печенгские лопари платили датскому королю "по алтыну (3 копейки) с человека". С 1591 года с 10 человек, записанных в оклад, стали брать по 30 копеек с человека, сверх того варгавский сборщик Иосиф Мартенссон требовал 3-4 векуя (векуй - 18,4 килограмма) сухой трески, оленей на отвоз дани и продукты на пропитание. В одной из жалоб, поданных королю Христиану IV, лопари просили защитить их от произвола данщика, который "бьет и мучит нещадно, и в железа кует, и на мороз мечет... емлет корму много, не по старине...".

Королевские данщики пытались принудить и монахов платить поборы, утверждая, будто Печенгский монастырь стоит на датской земле. В жалованной грамоте царя Федора Ивановича 1591 года указывалось: если "немецкие дацкие люди учнут к ним, впредь приезжая, каких оброков и дани и с рыбы десятины у них просить, и им, немецким людям велено отказывать, что та земля Лопская и искони вечная вотчина наша, великого государя, а не датского короля".

В 1602 году датские власти не пропустили русских сборщиков дани в Финмаркен. В ответ царское правительство запретило впускать на Кольский полуостров датских данщиков. Общий округ сбора дани с лопарей прекратил свое существование.

(Продолжение следует.)

Аборигены Кольского Севера

ПЕЧЕНГСКИЕ ЛОПАРИ

Иван УШАКОВ, краевед

(Начало в номерах 114, 116, 121, 123, 127.)

6. ХОЗЯЙСТВО

Главный доход печенгские лопари получали от рыбного промысла на море. Весной они отправлялись из погоста в становище Немецкое близ устья Ворьемы. (Согласно описи 1608 года здесь стояли строения "датского короля неметчина Петруши Бертеля".) После упразднения Троице-Печенгского монастыря лопари вели промысел уже самостоятельно. По учету 1785 года в Печенгском погосте насчитывалось 12 домохозяйств, в которых состояло 69 лопарей (31 человек мужского и 38 - женского пола), и все они выходили на лов трески и палтуса к морю, за исключением женщин, имеющих грудных детей, и старух, которые занимались в это время изготовлением и окраской снастей для предстоящего лова семги. Печенгские лопари в 1785 году продали скупщикам сухой трески и сайды 700 пудов, сырой трески, палтуса и пикши - 600 пудов и семги - 80 пудов (пуд - 16,4 килограмма).

Рыбу в море ловили на малых судах - тройниках, рассчитанных на артель из трех ловцов. Добычу распределяли между участниками лова по трудовому вкладу: взрослые работники-мужчины получали целую долю, женщины и подростки - половину. Каждый вносил в артель свою долю снастей, выходил на промысел со своим продовольствием. Владелец тройника получал дополнительно полдоли, причитающейся на взрослого ловца. Условия ведения промысла могли меняться по общему согласию.

В начале XIX века печенгские лопари по ряду причин обеднели и промышляли уже в качестве покрученников архангельских и кольских купцов. Так, в 1817 году печенгские лопари "всем погостом", на 15 судах, промышляли на море "от архангельского купца Степана Попова", который доставил им 450 пудов муки, 300 пудов крупы и 30 пудов соли.

В начале июня лопари возвращались с моря в летний погост и приступали к лову семги в реке Печенге, а осенью расходились в разные места для лова озерной рыбы на зимнее пропитание.

В результате реформы 1764 года бывшие вотчинные лопари стали владельцами всех угодий на территории погоста. Введено было уравнительное землепользование. Каждое семейство получало участок соответственно числу душ в нем - определенное озеро, речную тоню или лесной урожай. Часть угодий (обычно семужьи ловли) лопари отдавали в аренду русским промышленникам, которые за них уплачивали государственные подати.

На Рождество Христово все лопари собирались в зимний погост, праздновали, решали мирские дела. Существовало распределение обязанностей. Мужчины занимались преимущественно лесной охотой, женщины - домашними работами.

По словам лопарей, в лесах и тундрах водились дикие олени, лисицы, белки, куницы, горностаи, волки, медведи, зайцы, но постепенно количество зверя убывало: "В реках наперед сего промышляли бобров и выдр, а ныне (в 1785 году) почти того промысла нет".

К мужским занятиям относилось также изготовление лодок, кереж (санок наподобие лодочки без кормы), посуды и тары (ушат, ведер и бочек). Женщины зимой пряли из конопли и льна прядено, вязали сети, шили одежду (печки из оленьих шкур, кафтаны, юпы и балахоны из покупного сукна), головные уборы и каньги (меховую обувь из "оленьих лап"), секли дрова, ловили силками куропаток и тетеревов.

На 12 домохозяйств имелось лишь 96 оленей для транспортных нужд, "содержат оных по 5 и по 6, а кормят тот скот белым мхом, по здешнему званию яголю".

В XVIII веке у лопарей появились овцы норвежской породы - по 1-2 на двор ради шерсти, из которой шили овчинные полушубки и вязали накидки-одеяла ("писаги") и рукавицы.

На смену лукам, дротикам и гарпунам пришли ружья. Лопари, промышлявшие по Волоковой губе, добывали летом "нерпу и зайца (морского) небольшими сетями и стрельбою из ружей".

Первобытная натуральная основа хозяйства была подорвана уже в XV веке. Григорий Истома, побывавший на Мурманском побережье в 1496 году, сообщал: "Лопари охотно допускают купцов, которые привозят им платье из толстого сукна, а также топоры, иглы, ложки, ножи, кубки, муку, горшки и другое в том же роде". Торговые связи стали регулярными. Ведение промыслов и домашнее бытие зижделись на товарообмене с русским населением. На выручку от продажи рыбы, пушнины и сала лопари приобретали сельскохозяйственные продукты, ткани, металлические изделия и другие необходимые им вещи и материалы. Архангельский губернатор А. Пошман в 1802 году писал: "Российские лопари сделали привычку к хлебу и без него не могут обойтись... Любимое их кушанье составляет рокка, или похлебка из сушеной рыбы, подбитой мукой".

В сравнении с лопарями восточной Лапландии, где в XVIII веке значительного развития достигло оленеводство, печенгские лопари выглядели почти нищими. Автор "Описания Лопской земли" Н. Дергачев отмечал их сильную зависимость от кредиторов, в частности от кольского купца Шабунина: "Печенгские лопари... отдавали ему весь промысел, сами находились почти в крайней бедности", несмотря на "свои огромные труды" (1869 год).

В 1867 году правительство, желая "улучшить быт лопарей", предложило лопарям перейти к оседлости, обещало тем, кто пожелает заняться скотоводством и обзавестись постоянным домом, пособие "до 25 рублей на семейство" (на корову и 3 овцы). Сначала печенгские лопари приняли предложение "из страха, так как они слышали, что правительство хочет продать их угодые норвежцам... чтобы угодыя остались за ними". Когда же их заверили, что угодыя царем даны им навсегда, то они заявили кемскому исправнику, что "если бы они считали постоянную оседлую жизнь для себя выгодною и не вредною для здоровья, то они имеют достаточно средств, чтобы заселиться без пособия правительства". Лопари не хотели менять веками сложившуюся систему хозяйства, свою полукочевую, промысловую жизнь.

(Продолжение следует.)

Аборигены Кольского Севера

ПЕЧЕНГСКИЕ ЛОПАРИ

Иван УШАКОВ, краевед

(Начало в номерах 114, 116, 121,
123, 127, 129.)

7. РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ

Все посещавшие Мурман и общавшиеся с лопарями отмечали их преданность православной вере и предписаниям русской церкви и - как пережиток языческого прошлого - почтительное отношение к сейдам ("священным камням").

Путешественник Василий Немирович-Данченко в книге "Лапландия и лапландцы" (1877 год) писал: "Лопари вообще религиозны. Относясь с великим уважением к священникам, они со строгою точностью исполняют все религиозные обряды... Часто священники на папертях церквей находят убитого оленя, груз рыбы или несколько мехов. Это приношение на церковь, причем жертвователю пожелал остаться неизвестным".

В допетровское время лопари сами подыскивали попа и нанимали его на службу в свою церковь. Сохранился договор, заключенный 3 февраля 1694 года между лопарями Мотовского, Печенгского, Пазрецкого и Нявдемского погостов и кольским священником Симеоном Борисовым. Лопари обязались платить ему за богослужение в Борисоглебской церкви "со всякой души по алтыну (3 копейки) на год", за крещение детей - 13 копеек, поминание родителей - 3 копейки, погребение - 20 копеек, за рождественский молебен - по 2 копейки с вежи; сверх того натурой с каждого погоста в год по пуду трескового жира и по 2 кережи (повозки) мяса и рыбы с доставкой ему в Колу на лопарских оленях, а "диачка ему, Симео-ну, своего держать", то есть оплачивать из своего дохода, как договорятся.

В середине XVII века основатель Печенгского монастыря Трифон был причислен православной церковью к лику **святых**. Память Трифона отмечалась дважды в году - 15 декабря (день кончины) и 2 февраля (праздник Сретения Господня, соименный часовне, в которой молился святой).

В 1708 году над мощами Трифона почитатели святого поставили вместо часовни Сретенскую церковь с папертью и колокольнею. В 1855 году церковное ведомство открыло "для лопарей" Печенгский приход, обновило Сретенскую церковь и освятило ее 11 ноября 1857 года как приходскую.

Могила Трифона стала местом паломничества богомольцев. Известный путешественник Федор Литке в 1828 году назвал его "Меккой того края". Особенно заботились о святыне печенгские лопари. "Церковь, - писал кольский лесничий Константин Соловцов в 1862 году, - небольшая... несколько роскошная, иконостас... с ярко позолоченной резьбою; некоторые иконы в посеребренных окладах, пелены, ризы из порядочной парчи... гробницы святого Трифона и его сподвижников покрыты хорошими шелковыми покровами... В избушках возле церкви в зимнее время живут: священник с причетником и несколько бездомных кольских мещанок-старух, питающихся добровольными подаяниями прихожан и богомольцев." На лето они переселялись к устью реки Печенги. Священник для духовных треб посещал Мурманский берег, где промышляли печенгские лопари, отправлял праздничные службы.

"Ежегодно 2 февраля, - продолжает Соловцов, - к Сретенской церкви приезжают богомольцы из Колы, Кеми и поморских селений; съезжаются окрестные лопари; стечение народа бывает иногда до тысячи че-

ловек; день этот зовется ярмаркою, потому что являются торгаши... с солью, платками, тесемками, сережками и другими товарами... Лопари имеют обыкновение делать преимущественно в этот день разные приношения в пользу церкви: оленей, рыбу, оленья мясо, меха, разные хозяйственные вещи и прочее, одним словом, все, кроме денег. И все эти приношения принимаются церковным старостою, который тут же продает их за деньги богомольцам и лопарям... Покупатель, выбрав нужную себе вещь, сам назначает ей произвольную цену, которую и уплачивает... Редкий дает настоящую цену, но как бы ни была эта цена мала, церковный староста принимает ее без всякого возражения: считается, что все приношения делаются святому Трифону, следовательно, он и продает их сам, а староста есть только исполнитель его воли... Если же кто, имея средства, с намерением даст малую цену, тот будет наказан святым Трифоном".

Церковные службы и проповеди велись на русском языке, что мало препятствовало усвоению христианского вероучения. В XVIII веке большинство лопарей уже вполне владело обыденной русской речью. По подворной переписи 1782 года, в Печенгском погосте из 69 лопарей хорошо знали русский язык 12 мужчин и 11 женщин, то есть почти все взрослое население. В середине XIX века русский язык обращался наравне с родным. Василий Немирович-Данченко писал: "Все говорят без малейшего акцента. По способу выражений, по постройке фразы вы видите, что они и думают по-русски. Это общее явление".

Лопари неплохо знали обрядовую сторону христианства, но богословская догматика была им мало известна, нередко понималась превратно. Нравственные предписания церкви прочно вошли в сознание лопарей, заметно проявлялись в миролюбии и гостеприимстве. "Коли гость в избе - значит, Господь тебя не оставил"... "Кого Бог возлюбил, к тому и гостя послал"... Вот пословицы и поверья лопарей", - отмечал Немирович-Данченко.

В народе бытовала поговорка: "Каков поп, таков и приход". Действительно, нравственность верующих в значительной мере зависела от личности священника. Печенгским лопарям везло на хороших пастырей. 18 февраля 1868 года священником Сретенской приходской церкви стал Константин Щеколдин. В 1874 году он был переведен к соседней, Борисоглебской, церкви на Паз-реке. С 1882 до 1902 года (с небольшим перерывом в конце века) в Печенгском приходе служил священник Георгий Терентьев. Они стойко защищали интересы лопарей при внедрении в их земли новых поселенцев, много сделали для просвещения лопарей. К. П. Щеколдин перевел на лопарский язык и в 1894 году напечатал Евангелие от Матфея на местном наречии, а в 1895 году - учебное пособие, в котором молитва "Отче наш" и "Десять заповедей Закона Божия" были даны параллельно на русском и лопарском языках.

В отчете благочинного за 1899 год говорилось: "Лопари... почти все без исключения исполняют христианский долг исповеди и святого причастия... с усердием посещают богослужения, в нарочитые же дни: Крещения, памяти преподобного Трифона, просветителя их предков, совершают паломничества..." Священник Терентьев так отзывался о своих прихожанах-лопарях: "В вере тверды, часовни и храмы посещают, бедным подают милостыню; в несчастии помогают, старших чтут..."

(Продолжение следует.)

ПЕЧЕНГСКИЕ ЛОПАРИ

Иван УШАКОВ, краевед

(Продолжение. Начало в номерах 114, 116, 121, 123, 127, 129, 133.)

8. В ДОМАШНЕМ БЫТУ

Долгое время жилищем для лопарей служила вежа. Владелец ее именовался домохозяином. Но как постройка это не дом, не изба с печью и мебелью. Зримое представление о старинной веже дает одна из голландских гравюр, на которой изображен лопарский погост на Мурмане. В нем стояли шалаши, крытые дерном и внешне похожие на копну сена. Над некоторыми вежами вьется дымок, это хозяйки готовят пищу на костре.

Когда лопари, занимаясь промыслами, где-либо останавливались ненадолго, как укрытие от непогоды и место для сна ставилась кувакса - шатер, крытый берестой или пологом из шкур.

В веже обычно проживала семья из 5-6 человек, иногда помещались и две родственные семьи. В 1785 году в Печенгском погосте числилось 69 лопарей, из них 12 - домохозяева.

В зимних погостах вежи делались немногим просторнее, изнутри обвешивались оленьими шкурами, устраивался очаг из камней, над которым на треноге подвешивался котел для варки пищи. Огонь горел постоянно, дым выходил через отверстие вверху вежи.

Во второй половине XVIII века у более зажиточных лопарей стали появляться тупы - бревенчатые домики с жилой площадью не более 20 квадратных метров, с 1-2 окнами; потолком служила односкатная крыша из досок и дерна. К тупе пристраивались небольшие сени - клетушки для овец. В одном углу клалась каменная печь наподобие камина, вдоль стен устраивались низкие нары, повыше - полки для посуды и мелких вещей.

В таких помещениях зимою жило обычно более десяти человек. Питались преимущественно рыбой. Ржаной муки потреблялось в год около двух пудов на семью. В рацион лопарей всегда входила как антицинготное средство и питательное вещество толченая в порошок сухая кора сосны. При опросе в 1785 году лопари поясняли: ржаную муку смешивают с сосновой корою, "варят с рыбной ухой и с оленными щами".

Лопари отличались общительностью и любознательностью. Осенью 1883 года западный Мурман объезжал российский консул в северной Норвегии Д. Бухаров. По пути он зашел в тупу, в которой находились две старухи и девочка. Накормив посетителя ухой из свежих сига и жареными хариусами, узнав откуда он, лопарки начали "расспросы о царе, о Петербурге, о том, как живут люди в России, есть ли там лопари и т. д.". По словам Бухарова, российские лопари в отличие от финских и норвежских и "в тяжелые минуты, и тогда, когда всякий готов бы проклясть свою судьбу, замечательно бодры и разговорчивы".

Зимними вечерами лопари собирались послушать своих сказителей. Первым обратил внимание на лопарский фольклор путешественник Василий Немирович-Данченко, который побывал во многих лопарских погостах, в том числе и в Печенге. В донесении Географическому обществу 25 августа 1873 года он сообщал, что сделал много записей лопарских песен и легенд, которые "имеют несомненное историческое значение".

Долго и старательно собирал устные произведения лопарей западного Мурман священник Константин Щеколдин. Часть своих записей он передал исследователям лопарского быта Николаю Харузину и Дмитрию Островскому, а часть опубликовал в журнале "Живая старина"

(С-Пб. 1890). Благодаря этим записям открылся целый мир представлений лопарей о своем прошлом, сохранение в их сознании остатков языческих верований.

Среди "преданий старины глубокой" выделяется цикл рассказов о нашествиях чуди, под которой понимались чаще всего шведы. "Чудь приходила больше по ночам, нападала на спящих. Не щадила никого, грабила и жгла погосты. В плен не уводили, а просто убивали", - повествует предание. Чудь была вооружена мечами, а лопари луками. Лопари или скрывались в убежищах - лесных ямах, или побеждали врагов хитростью и находчивостью.

Героем борьбы с чудью выступает Лаурекаш - лопарь, взятый пришельцами в проводники. В одном случае он обрезает веревку, на которой держались суда чуди, и она, оставшись в глухом месте без лодок, погибает. В другом случае Лаурекаш направляет олений обоз чуди к горной круче, и она погибла, свалившись в пропасть.

Другим врагом лопарей выступает сборщик дани Сталло. Он приходил один, но всегда с собакой. С виду обычный человек, только защищенный латами, он дрался врукопашную и убивал лопарей ножом. От дьявола ему дана была большая сила и способность делаться оборотнем (превращаться в другое существо). Его можно было убить определенным способом, но при этом следовало умертвить и собаку, иначе она слизывала кровь убитого и Сталло оживал. "Рассказы о Сталло, - сообщает Д. Островский, - весьма многочисленны и разнообразны."

Немало легенд ходило о святом Трифоне. По одной из них Трифон явился к скале Акко, где кебуны готовились принести жертвы языческому богу. Разгневанный, он поднял руки к идолу и начертал на его голове крест, который "запечатлелся на скале и виден до сих пор, а кебуны превратились в камень".

Рассказывались всякие бывальщины, сказки для детей, в которых фигурировали чаще всего животные, а также волшебники и злые духи.

Внутренняя обстановка в тупе, а тем более в веже, удивляла исследователей своей незатейливостью. Привыкшие жить в полукочевых условиях лопари не заботились о комфорте и строгом порядке в жилище. Необходимые вещи лежали всегда под рукой. Лучшее место отводилось иконе. "Домашняя утварь лопаря, - писал Немирович-Данченко, - состоит из чугунных и медных котлов, деревянных чашек и ковшей, чашек из бересты, сшитых оленьими жилками и украшенных резными узорами, деревянной ложки для черпания рыбы, берестяной солонки и берестяной же скатерти."

Перед едой лопари надевали чистую одежду и, сотворив краткую молитву, рассаживались посредине пола вокруг кары - большой доски, на которую ставился котел с вареной рыбой. Глава семьи раскладывал рыбу на берестяные салфетки. Уху хлебали из общей посуды. Разговаривать во время еды не полагалось, смеяться - тем более ("грех перед Богом"). Собак кормили после окончания обеда. Насытившись, лопари благодарили Бога и разговаривали между собой без каких-либо условностей.

Постепенно быт лопарей менялся в лучшую сторону. В XIX веке в зажиточные семьи стали проникать самовары, чайники, фарфоровая посуда, фабричные нитки, мыло, спички, а затем керосиновые лампы. В некоторых тупах появилась мебель - кровати, столы, шкафы. В бытовой и производственной жизни лопарей сказывалось влияние русского и норвежского населения.

(Продолжение следует.)

ПЕЧЕНГСКИЕ ЛОПАРИ

Иван УШАКОВ, краевед

(Продолжение. Начало в номерах 114, 116, 121, 123, 127, 129, 133, 134.)

9. ВОЗЛЕ НОВЫХ ПОСЕЛЕНЦЕВ

Нападение английского флота на Мурман в 1854 году сильно ухудшило положение промыслового люда. Кола, через которую шло снабжение лопарей хлебом, была почти полностью сожжена. Кроме 13 человек, все жители города уехали в Поморье. Русский вице-консул в Норвегии Лоренц Даль 27 февраля 1855 года известил кемского исправника о том, что лопари Печенгского края, "занимающиеся рыболовством и имеющие мало оленей, находятся в величайшей крайности. Прошлым летом, с появлением неприятельских кораблей, они оставили рыбные промыслы и удалились вовнутрь от берегов. При начале зимы эти люди отправились в Колу, чтобы запастись там мукою, но не нашли оной... Тогда во избежание голодной смерти 12 семейств явились в Вадсе для отыскания там продовольствия..."

Война продолжалась и в 1855 году. Стоило немалого труда доставить муку лопарям из Кемпи.

Случай с голоданием печенгских лопарей подвигнул Л. Даля выступить с инициативой необычного характера. 26 апреля 1858 года он направил архангельскому губернатору записку "О развитии хлебопашества у лопарей Кольского уезда". По дороговизне хлеба, писал вице-консул, лопари добавляют в муку сосновую кору, и только немногие "состоятельные едят хлеб без примеси коры... Я полагаю полезным для улучшения быта лопарей развить между ними хлебопашество, поселив по соседству с лопарями несколько норвежских семейств". 15 февраля 1859 года Л. Даль прислал губернатору прошение трех норвежцев (Т. Якобсена, Ю. Клаусена и П. Аносена), которые желали поселиться на Печенге.

В 1860 году, по рекомендации профессора Н. Я. Данилевского, занимавшегося изучением северных промыслов, русское правительство разрешило иностранцам, если они примут российское подданство, селиться на Мурманском берегу.

Вскоре на берегах Печенгского залива, выбрав лучшие места, обосновались семь норвежских семей. Русские поморы, несмотря на побуждения властей, ехать на постоянное жительство к Ледовитому океану не желали - не видели выгоды в этом.

22 ноября 1868 года правительство, по ходатайству архангельского губернатора С. Гагарина, издало Положение о даровании льгот поселенцам Мурманского берега. Лица, поступившие в разряд "колонистов", освобождались от налогов, военной службы, платежа торговых и промысловых пошлин, могли получить денежную ссуду на обустройство хозяйством; им разрешалось самим выбрать место для поселения и бесплатно пользоваться окрестными угодьями - рыбными ловлями, лугами, лесами.

В Поморье сразу объявилось несколько десятков семей, желавших стать колонистами. Их внимание привлек западный Мурман с его обильными весенними промыслами трески, хорошими покосами, лесом и близостью к Норвегии, куда можно было сбывать добытое, а в случае неудачи - найти работу в Финмаркене.

На территории Печенгского погоста в начале 70-х годов XIX века возникли колонии: Монастырская ("Старая Печенга"), Княжуха, Баркино, Трифонов Ручей ("Трифоновка"), Гагарка и Оленья Гора. Разбросанные на пространстве 15 верст, они составляли административно одно поселение - "колонию Печенгская Губа". В 1872 году в ней числилось 152 колониста, проживавших в 31 избе и 6 землянках; по национальному составу: русских - 93, карелов - 33, норвежцев - 21 и финнов - 5. Кроме того, в промысловом становище Малонемецком обосновался норвежский торговец Антон Даль. На его усадьбе стояло 5 изб. Даль владел шхуной, пятью елами и карбасом, получал товары для продажи от своего брата Ивана, жившего в Вадсе.

4 февраля 1871 года лопари трех погостов - Печенгского, Мотовского и Пазрецкого - подали губернатору Н. Качалову жалобу на поселившихся колонистов, которые "препятствуют лопарям ловить в реках и морских заливах рыбу, не дозволяют во время промысла построить лопарям вежи, отняли часть рыболовных угодий и грозятся отнять многие другие угодья". Лопари высказывали недовольство усилением подводной повинности: "По делам колонистов чаще стали ездить чиновники, а между тем эти колонисты подводной повинности не отбывают, и потому лопарям приходится не

только возить в обе стороны, но еще дожидаться, пока чиновник не окончит у колонистов дело, иногда до двух недель... упуская промыслы. Подвод требуют не только чиновники, но и колонисты". Раньше расход на отправку подвод составлял 78 копеек с души, теперь достигает 3 рублей 68 копеек.

Губернатор Н. Качалов послал "разъяснение колонистам, что стеснять лопарей они не имеют права, так как угодья, принадлежащие лопарям, должны оставаться у них в пользовании, а на промыслы в море лопари имеют такое же право, как и колонисты". Местным властям предписывалось ограждать лопарей от притеснений со стороны колонистов.

Однако захват лопарских угодий продолжался. В ноябре 1890 года священник Г. Терентьев писал: "В 1866 году, при открытии Кольско-Лопарской волости, посредником Нарушевичем лопарям была объявлена высочайшая воля о том, что владения лопарям оставлены за ними навсегда. Но при колонизации Мурманского берега появились смельчаки, которые, зашедши от моря в землю на 20 верст, заняли не по праву святое место (Трифоновое поле) и реку Печенгу с угодьями и не по праву вытеснили лопарей со своих мест... истребили лучшие рощи березняка вывозкою дров в Норвегию".

Чрезвычайно пагубное влияние на лопарей оказывала виноторговля Антона Даля. В продажу шел "норвежский ром" - вредный для здоровья спиртной напиток. "Даль споил всю Печенгу, разорил ее в лоск", - писал Василий Немирович-Данченко (1873 год). Путешественник Александр Елисеев отметил: "Колония Печенга - берлога одного из самых отвратительнейших ромоторговцев норвежца Даля, спаивавшего всю страну верст на сто в окружности" (1882 год). Чиновник дипломатического ведомства Дмитрий Бухаров, резко осуждая "свободную продажу отравы, называемой 'ромом', указывал на ее тяжелые последствия: "Еще в 1867 году... лопари Печенгского и Мотовского погостов были значительно зажиточнее пазрецких... Теперь они находятся в неоплатных долгах у печенгского колониста-кулака, сделавшего их своими барщинниками... дошли до совершенного нравственного и материального убожества" (1883 год).

6 января 1886 года правительство запретило ввоз из-за границы спиртных напитков и свободную, беспошлинную торговлю ими в колониях, становищах и факториях Мурманского берега. Полиция повела решительную борьбу с контрабандой.

12 марта 1886 года Святейший синод, по ходатайству духовенства Севера, издал указ о возобновлении Печенгского монастыря. Лопари, весяма чтившие святого Трифона, отнеслись к новому соседству благосклонно. 14 марта 1888 года консул Д. Островский сообщал: "Недавно они составили между собою письменный акт, род дарственной записи, которым жертвуют монастырю всю реку Печенгу со всеми лесными и сенокосными на ней угодьями".

Монастырь начали строить при Сретенской церкви, верстах в пятнадцати от устья реки Печенги, где находилась могила Трифона. Летом 1893 года здесь побывал только что назначенный архангельским губернатором Александр Энгельгардт, который убедил настоятеля Ионафана избрать для монастыря другое, более выгодное, место - у Трифонова Ручья, куда подходили пароходы, близ могилы 116 мучеников. Колонистов со "святого места" переселили в Гагарку и другие колонии, построив им 23 избы. По царским пожалованиям Трифонов-Печенгский монастырь получил более 12.000 десятин земли, при этом пострадали интересы не только колонистов, но и лопарей. Приехавшего в Печенгу летом 1894 года министра финансов Сергея Витте лопари встретили "жалобой на монастырь... что им дадут участка права, а святой Трифон завещал им селиться влево - к Норвегии". Высокий гость посоветовал лопарям "жить в ладу с монастырем".

Сами монахи считали себя не обидчиками, а благодетелями лопарей. Они устроили школу для обучения местного населения (открыта 30 ноября 1893 года), оказывали нуждающимся материальную и медицинскую помощь, знакомили лопарей с достижениями культуры.

22 апреля 1896 года Ионафан указом Святейшего синода "за особые труды по народному образованию" и успехи в строительстве Печенгской обители был возведен в сан игумена.

Монастырь способствовал поднятию нравственности лопарей, в известной мере защищал от притеснений колонистов.

(Окончание следует.)

Аборигены Кольского Севера

ПЕЧЕНГСКИЕ ЛОПАРИ

Иван УШАКОВ, краевед

(Окончание. Начало в номерах 114, 116, 121, 123, 127, 129, 133, 134, 139.)

10. В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В последнем десятилетии прошлого века в хозяйственной жизни печенгских лопарей произошли существенные изменения.

На западном Мурмане ухудшилась промысловая обстановка - рыба стала подходить к берегам позже обычного и в малом количестве. В разгар лова появлялись стада тюленей, которые объедали наживку на ярусах, путали и обрывали снасти. Доходы от морских промыслов упали. В лесах почти исчезли пушные звери и дикие олени. Часть речных тоней захватили колонисты.

Стала иной рыночная ситуация. Колонисты открыли в Печенге пять торговых лавок, в которых круглый год продавалось все необходимое - мука, крупы, сахар, чай, сушки, коровье масло, ткани, керосин, мыло, гвозди и т. п. С поселением колонистов усилился спрос на продукты оленеводства. В 1899 году пуд оленьего мяса а Печенге стоил в среднем 2 рубля 15 копеек, пуд семги - 5 рублей 40 копеек, а пуд ржаной муки - 1 рубль 80 копеек, метр ситца - 19 копеек.

Лопарям стало выгоднее заниматься оленеводством, ловить семгу, чем ходить на ненадежные морские промыслы.

Новый хозяйственный облик Печенгского погоста показала проведенная кольскими властями в 1904 году опись селения. Зимний погост находился в 25 верстах от колонии Печенги, на левом берегу реки Печенги. В нем проживало 63 лопаря (33 мужского и 30 женского пола), стояло 18 туп и 18 амбаров; скота имелось 60 овец и 3080 оленей, то есть в среднем на жителя по 49 голов! Становище Малонемецкое пустое. По-видимому, на морской промысел лопари не выходили. Ушли в прошлое вежи как зимние жилища - у всех лопарей имеются тупы. Среднее число обитателей в таком домике - 3,5 человека, а не десяток, как прежде.

Лопари - частые гости Трифоно-Печенгского монастыря. Присутствуют на богослужениях, слушают проповеди и лекции монахов. Некоторые дети посещают Баркинскую школу, находившуюся в двух верстах от приходской церкви.

Сам монастырь, сотворенный в основном трудом пришлых богомольцев, производил сильное впечатление. В 1911 году его посетил корреспондент московского журнала "Русская мысль" Евгений Гешин. После обзора Мурманского берега с его тяжелыми

картинами жизни "я попал, - пишет он, - в Трифоно-Печенгский монастырь с его мастерскими, водяными двигателями, электрическим освещением, телефоном, моторными лодками, цветущим сельским хозяйством, с его комфортом... В прошлом году освящена новая церковь (Рождества Христова) - высокая, светлая, какая-то особенно жизнерадостная, с прекрасными, художественно исполненными иконами". Правда, отмечает Гешин, этот "цветущий, полный жизни оазис" среди Заполярья "ничего не дает" окрестному населению, кроме возможности видеть, "как можно жить в тех же краях".

Монахи с иронией относились к лопарям, их незатейливому быту. Стоявший по соседству с монастырем летний погост, состоявший из неказистых хибарок, они в шутку называли "Москвой".

В печати обсуждался вопрос, как поднять благосостояние лопарей и приобщить их к современной культуре. Большинство доброжелателей выступало за переход лопарей к оседлости. Но были и другие мнения. "Вряд ли, - писал губернатор А. Энгельгардт, - они пожелают променять свою свободу, свою тундру, свой чум и вежу, свою кочевую жизнь на все блага культурной жизни, пока они сами, сближаясь с соседним оседлым населением, без всякого внешнего давления, постепенно, не почувствуют потребности в новой жизни. И вопрос еще - не будет ли та культурная жизнь, которую хотят им преждевременно навязать, лишь способствовать скорейшему их вымиранию."

Царское правительство не делало попыток насильственно изменить традиционный уклад жизни лопарей, сохраняло и в XX веке прежний порядок общинного землепользования и самоуправления.

Мировая война 1914-1918 годов сильно ухудшила положение народных масс. Оленеводство позволило печенгским лопарям без больших лишений пережить это нелегкое время. Немалую помощь бедствующему населению оказал и Печенгский монастырь. Не случайно монахи ставили себе в заслугу то, что к 1919 году "все окрестные лопари грамотны благодаря монастырской школе... Погост Москва живет на иждивении монастыря".

В течение многовековой истории на долю печенгских лопарей не раз выпадали тяжелые испытания. В суровых условиях Заполярья они проявили удивительную жизнестойкость, преодолели разные превратности судьбы, сохранили свой язык и национальную культуру.